

ГОМБОЖАПОВ Александр Дмитриевич
КОЧЕВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В
ТРУДАХ Л.Н. ГУМИЛЕВА

<http://old.imbt.ru/gomboj.doc>

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических
наук

Улан-Удэ - 2008

Работа выполнена в отделе истории, этнологии и социологии Института
монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Научный руководитель: член-корреспондент РАН **Базаров Борис Ванданович**
Официальные оппоненты: доктор исторических наук, доцент
Данилов Сергей Владимирович
доктор исторических наук, доцент **Дугаров Владимир Доржиевич**

Ведущая организация: Институт истории СО РАН

Защита состоится 5 июня 2008 г. в 12 час. на заседании диссертационного совета Д
003.027.01 в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047,
Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6)

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Бурятского
научного центра СО РАН

Автореферат разослан 03 мая 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, канд. ист. наук, доц. Жамсуева Д.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Научное и идейное наследие известного ученого-востоковеда, этнолога, географа, поэта, создателя одной из самых оригинальных и противоречивых концепций этногенеза Л.Н. Гумилева вот уже на протяжении более двух десятилетий привлекает пристальное внимание академического и научного сообществ и будоражит общественно-политическую мысль России, ближнего и дальнего зарубежья. Широкая востребованность наследия ученого заставляет искать ее причину в существующих реалиях общественно-политической мысли и самом обществе, претерпевающим социальную трансформацию и находящемся в поисках национальной самоидентификации и самоопределения.

Особенность географического и геополитического положения Российской Федерации, располагающейся между Европой и Азией, предопределила влияние этих регионов на ее историческое развитие и судьбы. Многовековая включенность в состав России многих народов, исторически и культурно взаимосвязанных с народами Центральной Азии заставляет учитывать сложившиеся политические реалии при формировании современной деятельности РФ в международной многовекторной политике, особенно в условиях бурного экономического развития многих стран АТР. В связи с этим объектом пристального внимания (рефлексии) со стороны научных и общественно-политических кругов стала специфика российской цивилизации, истоки ее своеобразия, самобытности и устройства. Такое положение вещей обусловило возрождение многих идей и взглядов из историософского наследия евразийцев – общественно-политического движения русской эмиграции 1920-1930-х гг., актуализация которых вызвана трансформационными процессами в российском обществе. В этом ряду стоит и научное наследие Л.Н. Гумилева, испытавшего влияние со стороны евразийства и позиционирующего себя как “последний евразиец”.

В настоящее время в отечественной востоковедной историографии фиксируется довольно большой методологический разброс в изучении и отражении исторической действительности кочевых обществ, что связано в первую очередь с крушением долгое время существовавшего в общественных науках “единственно верного” исторического и диалектического материализма. Образовавшийся научно-инструментальный вакуум стал заполняться как новыми подходами, так и теоретическим переосмыслением богатого дореволюционного и “буржуазного” историософского наследия. В частности, в общественно-политических и академических кругах актуальность обрело евразийство, в связи с этим стали переиздаваться труды “классических” евразийцев (В.Г. Вернадского, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Э. Хара-Давана и др.), отличавшихся оригинальной трактовкой истории и путей самоопределения Российского государства. Центральной темой историков классического евразийства, обусловленной идентификационным поиском и наступившим после революции 1917 г. духовным кризисом, стало рассмотрение взаимоотношений со своими соседями на евразийском пространстве. Отсюда и особый постоянный интерес к кочевым обществам. Это стало методологической точкой соприкосновения и пересечения взглядов Л.Н. Гумилева и евразийцев. Предложив новую цивилизационную парадигму исследования, представители научного евразийства предвосхитили многие теоретические разработки ученых востоковедов сегодняшнего дня.

Необходимо отметить, что в современной востоковедной историографии взаимоотношения кочевых обществ с оседло-земледельческими цивилизациями, место и роль их на исторической арене подверглись основательному пересмотру в первую очередь с позиций разрабатываемых цивилизационного и мир-системного подходов. Это не отрицает полностью результатов советской историографии, но по-новому и, на наш взгляд, более адекватно и системно интерпретирует характер взаимоотношений, связей кочевников с

оседло-земледельческими цивилизациями, взаимозависимости двух разных хозяйственно-культурных типов, а также истоки и природу кочевых держав.

В современном отечественном кочевниковедении активно разрабатывается “теория кочевых цивилизаций”, предметная область которой определяет довольно широкий спектр проблем историко-культурных процессов в кочевых обществах. Прежде всего, такая широкая проблематика обусловлена многозначностью формулирования одного из ключевых понятий данной теории – “цивилизации”, что детерминировало ряд дискуссионных теоретико-методологических положений. Современная теория кочевых цивилизаций находится в процессе самоопределения. Происходящее уточнение ее статуса в качестве интегративного, целостного знания о кочевых обществах повышает роль обобщающих теоретических концепций. В этой связи становится несомненным изучение научного наследия Л.Н. Гумилева, чье творчество в отношении применяемой методологии укладывается в рамки цивилизационного подхода, хотя и несколько условно, поэтому мы можем отнести ученого к одним из предшественников данной теории. Л.Н. Гумилев, по мнению Н.Н. Крадина и других исследователей-востоковедов, был “единственным интерпретатором цивилизационного подхода” в условиях методологического господства исторического материализма в исторической науке СССР. Историографическое изучение трудов Л.Н. Гумилева позволит помочь раскрыть особенности и содержание процессов в истории становления и развития кочевых цивилизаций, выявить закономерности и методологию раскрытия их.

Необходимость осмысления научного и идейного наследия ученого, отражаемого в его трудах, диктуется также той неоднозначностью и противоречивостью оценки места и роли Л.Н. Гумилева в историографии и в то же время условиях устойчивого научного и читательского интереса к его произведениям, позволившие назвать его “культовой фигурой”, “властителем дум”, “модным автором”.

Выявление историографической значимости и оценка научного вклада трудов Л.Н. Гумилева в развитие исторических знаний о номадах и теорию кочевых цивилизаций Центральной Азии является, безусловно, актуальной задачей отечественного кочевниковедения.

Степень изученности темы. Несмотря на многочисленную аналитическую и критическую литературу, посвященную взглядам Л. Н. Гумилева, анализ истории критики показывает, что в целом, собственно историографическим работам и наследию ученого уделено всего лишь несколько статей, рецензий и замечаний (Б.А. Андрианов, Л.С. Васильев, Л.И. Думан, А.Г. Кузьмин, Н.Ц. Мункуев, Б.А. Рыбаков, М.И. Чемерисская и др.). Большинство критических работ, которые писались представителями академической науки, было направлено не против сочинявшихся Л.Н. Гумилевым “степных трилогий” и иных “историографических панорам”, а против “пассионарной” теории этногенеза. Поэтому целесообразным при нашем исследовании будет деление историографии по данной проблеме на два проблемно-хронологических блока: критическая литература собственно историографических работ и научная литература, посвященная критике “теории этногенеза”.

В целом по теме диссертационного исследования можно выделить следующие этапы развития историографии.

Первый – 1960-1980-е гг., в целом в этот период советской историографии в идеях Л.Н. Гумилева критиковались “биологизаторский” подход к понятию “этнос” в методах его исследования и “географический” детерминизм в объяснении движущих факторов исторического процесса (М.И. Артамонов, Ю.В. Бромлей, Ю.К. Ефремов, И.Я. Златкин, В.И. Козлов и др.). Подверглась жесткой критике не только концепция русско-половецких, русско-монгольских отношений XIII в., но и взгляды на этническую историю Китая III-VI вв. (М.В. Крюков, В.В. Малявин и др.).

Одной из первых работ, подвергающих критике концепции Л.Н. Гумилева являются тезисы Б.И. Маршака «Возражения Л.Н. Гумилеву», опубликованные в докладах по

этнографии географического общества СССР [Маршак, 1965]. В данной работе подвергаются критике некоторые положения статьи «Великая распря в первом тюркском каганате в свете византийских источников». Основное, на что обращает Б.И. Маршак – это несоответствие построений Л.Н. Гумилева с фактами из источников (свидетельства Феофилакта Симокатты о тюркском посольстве к императору Маврикию). Дискуссия по данному вопросу интерпретаций событий конца VI в. в первом тюркском каганате примечательна тем, что в ней впервые Л.Н. Гумилев изложил свои взгляды на внутреннюю критику источников, считая при этом, что единственным коррективом при реконструкции хода событий является установление их логической связи.

После издания книги «Хунну. Срединная Азия в древнее время» в 1960 г. на нее поступила рецензия К.В. Васильева. Рецензент характеризует книгу как «систематический пересказ накопленных исторической наукой материалов, нежели самостоятельное исследование». Данная монография, по мнению К.В. Васильева, «не вносит ничего принципиально нового в современную историографию древней Центральной Азии», поскольку она страдает многочисленными недостатками, которые в свою очередь были обусловлены незнанием оригиналов используемых источников, не использованием современной научной литературы на китайском и японском языках, в некритическом восприятии ряда устаревших концепций, представляющих “вчерашний день” востоковедной науки [Васильев, 1961]. Отмеченные недостатки о произвольном изложении начала сюннуской предыстории, неверном отождествлении и идентификации отдельных племен, некоторые фактические неточности, конечно, указаны правильно. В то же время, критика проведенного Л.Н. Гумилевым анализа социально-экономических отношений в сюннуском обществе, дана с позиций исторического материализма, что на сегодняшний день не может считаться вполне убедительной.

Вслед за разгромной рецензией К.В. Васильева, в том же журнале «Народы Азии и Африки» публикуются две рецензии: Л.И. Думана и М.В. Воробьева. Оба отмечают, что недостатков в книге немало, это и несоответствие предложенных автором интерпретаций с источниками, и вольный перевод некоторых выражений китайских текстов, искажение имен собственных и географических названий вследствие разной транскрипции. Л.И. Думан указывает на то, что Л.Н. Гумилев в своих выводах иногда не только не опирается на источники, но добавляет от себя то, чего источники не сообщают [Думан, 1962]. Не согласен он и с выводами о социальном строе хунну, считая, что процесс разложения родового строя произошел гораздо раньше. И все же, появление данной книги, охватывающей всю историю хуннов от появления данного этноса до исчезновения их имени в истории Азии, по их мнению, представляет определенный интерес. М.И. Воробьев полагает, что автор представил «написанный прекрасным литературным языком очерк истории хуннов», в которой обозначил свою интерпретацию основных сторон этой истории, создав «вполне оригинальную и нужную работу по древней истории Срединной Азии» [Воробьев, 1962].

Особый интерес представляет статья Б.А. Андрианова «Некоторые замечания по поводу статьи Л.Н. Гумилева “Роль климатических колебаний в истории народов степной Евразии”», поскольку в ней подвергаются критике основополагающие положения гипотезы Л.Н. Гумилева о природно-климатических факторах, влиявших на развитие кочевых народов евразийских степей. Автор указывает на то, что Гумилев неправомерно связывает периоды повышенной увлажненности пространств степей, приводящих, как считает ученый, к увеличению экономической базы для кочевого хозяйства, с процветанием кочевых империй и громадными завоеваниями. Более того, Б.А. Андриановым указывается на конкретные условия, влияющие на экономику скотоводческого хозяйства, что она подвергается количественным колебаниям не столько от обильных пастбищ (весенних и летних “нагулов” скота), сколько от величины потерь в период зимних месяцев; при определенных метеорологических условиях (когда пастбища покрывались ледяной коркой) кочевники, не имея страховых запасов корма, теряли

значительную часть своих стад. Попытки увязать расцвет и упадок кочевых империй с природно-климатическими циклами есть не что иное, как подмена исторических закономерностей физико-географическими. В частности, он подмечает, что простое механическое сопоставление фактов, характеризующих климатические изменения с теми или иными событиями или передвижениями скотоводческих обществ древности и средневековья, еще не решает вопрос о причинах этого явления. Соглашаясь с тем, что кочевое общество, находилось в различных связях с природным окружением, он подчеркивает, что для него характерны свои, отличные от природных, закономерности развития, которые необходимо учитывать при изучении историко-географических проблем [Андрианов, 1968].

И.Я. Златкин в своей статье «Не синтез, а эклектика», вышедшей в 1970 г., подвергает сокрушительной критике методику исследований, предложенной Л.Н. Гумилевым, обвиняя его в географическом детерминизме, отрицании принципа историзма (в отношении сущности этноса), пренебрежении к историческим источникам, вследствие этого приводящих к его многочисленным ошибкам. В работах Л.Н. Гумилева, отмечает И.Я. Златкин, которые затрагивают сферу “глобальных” проблем, становится очевидным умножение и усложнение ошибок, уводящих его в сторону от исторических фактов [Златкин, 1970].

Логическим продолжением «Хунну» стала книга «Хунны в Китае», которая вызвала более положительный отзыв со стороны востоковедов, хотя и здесь встречаются все те же замечания. Так, Л.С. Васильев, говоря о тщательности источниковедческого анализа и необходимости в исчерпывающем ознакомлении с историографией вопроса, отмечает одни и те же недостатки методического характера в исследовательских работах ученого. Методика исследования Л.Н. Гумилева, по мнению Л.С. Васильева, целиком игнорирует существенные этапы логики познавательного процесса, связывая высказанное мнение прямо с конечным выводом [Васильев, 1976]. Другой, не менее известный востоковед М.В. Крюков не согласен с тем, что Гумилев отводит решающую роль природно-климатическим факторам в объяснении демографических процессов в Китае III-VI вв. и воссозданной на этом этнической картине средневекового Китая.

Против утверждаемого Л.Н. Гумилевым и И. Эрдеи мнения, что кочевание и оседлость есть противоположные этнические признаки, и возможность оседания кочевников возникает только при переселении в новую географическую среду, в которой сохранение привычного образа жизни невозможно, выступили М.А. Артамонов и С.А. Плетнева. Они считают, и это мнение общепринято, что оседлость никак не может быть этническим признаком в силу социально-экономического характера процесса оседания кочевников. Процессу седентеризации подвергаются в первую очередь обедневшие кочевники, не способные обеспечить свое существование скотоводством. Следовательно, оседание кочевников может происходить в результате углубления в их среде экономической дифференциации [Артамонов, Плетнева, 1970].

В статье Б.А. Рыбакова «О преодолении самообмана» указывается на недопустимый подход к источникам и бездоказательность концепции взаимоотношений Древней Руси и кочевников. Л.Н. Гумилев, основываясь на том, что «Слово о полку Игореве» – памфлет, созданный в 1249-1252 гг., характеризует данный литературный памятник как «сочинение антикочевнического и антинесторианского направления», «литературная стрела, направленная в грудь благоверного князя Александра Ярославича Невского», «...под масками князей XII в. должны скрываться деятели XIII в.», с чем категорически и вполне оправданно не согласен Б.А. Рыбаков [Рыбаков, 1971].

Разделяет это мнение и Н.Ц. Мункуев, говоря также и о неверных филологических параллелях, в частности, им указывается, что слово “хин” в “Слове о полку Игореве” не совсем верно связано Л.Н. Гумилевым с названием чжурчжэньской династии Цзинь (1115-1234) [Мункуев, 1972].

Значительный интерес представляет статья Л.А. Дмитриева «К спорам о датировке «Слова о полку Игореве», в которой достаточно подробно и в логичной последовательности проводится анализ методов источниковедческих исследований Л.Н. Гумилева. Автор данной статьи приводит убедительные факты, которые входят в противоречия с гипотезой Л.Н. Гумилева о политической направленности «Слова о полку Игореве», отражающей сложившуюся в раздробленной Руси общественно-политическую ситуацию 40-50-х годов XIII в.

А.М. Хазанов, известный своими крупными кочевниковедческими работами, исходя из сравнительного анализа кочевых обществ, подвергает критике взгляды ученого на пути их развития. Утверждение Л.Н. Гумилева о том, что стабильная численность народонаселения у кочевников есть “оригинальный способ этнического существования, непохожий на привычные нам, но отвечавший потребностям самих кочевников” не разделяется А.М. Хазановым, который видит в этой стабильности лишь доказательство тупикового и застойного характера кочевнической экономики [Хазанов, 1975].

Таким образом, для этого этапа характерна методологическая поляризация концепций на природу кочевых обществ, не оформленность целостной картины видения исторического развития номадов, в силу данного обстоятельства труды Л.Н. Гумилева по истории кочевых этносов Центральной Азии обозначают собой одно из концептуальных направлений советского кочевниковедения.

Второй – хронологически объемлет период с конца 1980-х по сегодняшний день. В это время, после выхода в свет в конце 1980-х гг. крупных монографий: «Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая степь» изменяется место Гумилева в научной историографии. В целом этот период характеризуется первыми попытками взвешенной научной критики его трудов и концепций.

Обстоятельный анализ изложения Л.Н. Гумилевым фактической истории Древней Руси, проблема характера ее взаимоотношений с хазарским каганатом проделан Я.С. Лурье. Главное, на что указывает Я.С. Лурье в своей статье «Древняя Русь в сочинениях Л.Н. Гумилева» и в дальнейшем в работе «Историческая этнология», это противоречия гумилевских интерпретаций событий истории Древней Руси с летописными источниками. Выдвигаемые им гипотезы и утверждения, например, о “хазарской гегемонии” над Русью, последовательно и аргументировано опровергаются критиком с привлечением большого фактического материалов из летописей. Своеобразное видение Л.Н. Гумилевым истории Киевской Руси им объясняется тем, что он опирался на пробелы и пропуски в летописной традиции, которые позволяли ему строить произвольные конструкции [Лурье, 1994].

Статьи-рецензии М.И. Чемерисской отличаются взвешенной и конструктивной критикой. В них достаточно подробно проанализированы основные гипотетичные моменты концептуальных построений Л.Н. Гумилева, указываются предпосылки формирования его взглядов и дается оценка ранних кочевниковедческих работ.

Краткий историографический обзор представлен в статьях В.А. Коренько, в которых дается обстоятельный анализ истории критики взглядов Л.Н. Гумилева. Проведя анализ историографической критики Л.Н. Гумилева, В.А. Коренько пришел к заключению, что в целом ее можно суммировать по четырем главным направлениям: проблема “иудейско-хазарской химеры” и русско-хазарские отношения; русско-половецкие отношения; датировка и авторство “Слова о полку Игореве”; русско-золотоордынские отношения. При этом он приходит к весьма важному выводу, что вне существенной критики оказалось осмысление Л.Н. Гумилевым не только всех остальных событий российской истории, но практически всей истории зарубежных стран и народов. В большинстве критических работ не была затронута “степная трилогия” Л.Н. Гумилева и иные “историографические панорамы”, основное их содержание было направлено на критику основных моментов “пассионарной теории этногенеза” [Коренько, 2006].

Большой вклад в понимание источников формирования мировоззрения ученого вносит монография Б.С. Лаврова «Лев Гумилев. Судьба и идеи», где описывается научная биография Л.Н. Гумилева, его становление как кочевниковеда [Лавров, 2000].

Критика и анализ концепции этногенеза и основанной на ней реконструкции исторических процессов Л.Н. Гумилевым представлена работами М.А. Абрамова, С.Г. Банных, И.М. Дьяконова, В.А. Козлова, Л.С. Клейна, С.А. Панарина, В.А. Тюрина, В.А. Шнирельмана, А.Л. Янова и др.

В статье французского антрополога Марлен Ларюэль «Когда присваивается интеллектуальная собственность, или о противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого» подвергаются анализу расходящиеся концепции кочевого мира евразийцев и Л.Н. Гумилева, восприятие кочевников последним «по самым его фундаментальным принципам противоположно восприятию Савицкого и его современников». Она полагает, что труды Л.Н. Гумилева о номадах очень идеологизированы, что биологический детерминизм отразился в них куда больше, чем идеи евразийского наследия. Истоки этой идеологизированности ей фиксируется в существовании в советской этнографии этнистского дискурса [Ларюэль, 2002].

Отдельные дискуссионные аспекты истории кочевых народов Центральной Азии, излагаемой Л.Н. Гумилевым, представлены в работах Л.Л. Абаевой, Б.В. Базарова, С.В. Данилова, Б.Б. Дашибалова, В.Д. Дугарова, Б.Р. Зориктуева, С.Г. Кляшторного, П.Б. Коновалова, Н.Н. Крадина, С.А. Плетневой, Д.Г. Савинова, Т.Д. Скрынниковой и др.

На уровне диссертационных исследований трудов Л.Н. Гумилева имеются работы в большинстве своем социально-философского плана. Одной из последних работ является историографическая работа Е.Н. Ищенко, в которой прослеживается влияние евразийской традиции в творчестве Л.Н. Гумилева, дается объективный анализ основных исторических трудов.

Труды Л.Н. Гумилева получили довольно высокую оценку среди монгольских историков: академиков Ш. Бира, Ч. Далай, Б. Ринчена, ученых Х. Пэрлээ, Н. Ишжамца, Ш. Нацагдоржа, Ж. Болдбаатара, Ц. Ишдоржа, Н. Ням-Осора, Х. Шагдара. Научное наследие Л.Н. Гумилева имеет несомненную актуальность и для среднеазиатских ученых: В. П. Алексеева, О. Исмагулова, К.Б. Шихимбаевой, М.Ж. Жолдасбекова и др.

В общем, критическую литературу историографических трудов Л.Н. Гумилева этого периода условно можно разделить на четыре направления: проблема русско-хазарских отношений; русско-половецкие отношения; датировка и авторство «Слово о полку Игореве»; русско-монгольские отношения XII-XV вв.

Таким образом, практически все авторы критических работ единодушны во мнении о том, что наиболее слабой стороной работ ученого является его вольное обращение с источниками. Присущие работам ошибки, сводящиеся к источниковедческой стороне, произвольной интерпретации некоторых событий истории, основанной на заполнении периодов неосвещенных источниками методом «интерполяции», а также имеющиеся фактические неточности, не снижают их научной значимости, как крупных теоретико-обобщающих работ по истории кочевых народов Центральной Азии.

Данный этап в историографии отечественного востоковедения характеризуется становлением различных теоретико-методологических подходов к изучению номадизма, разработкой различных концепций, учитывающих принципы как стадиальной, так и цивилизационной парадигмы, поэтому отдельные аспекты кочевниковедческих работ Л.Н. Гумилева в этих условиях актуализируются и находят определенное понимание в среде востоковедов.

Историографический анализ степени изученности темы позволяет сделать вывод о том, что тема «Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева» еще не стала предметом исчерпывающего исторического анализа и осмысления.

Цель и основные задачи диссертационного исследования. Целью настоящей работы является комплексный историографический анализ и оценка востоковедных

трудов Л. Н. Гумилева, посвященных истории становления, развития и упадка кочевых цивилизаций Центральной Азии.

Исходя из обозначенной цели, автором были поставлены следующие задачи, решение которых обуславливает достижение сформулированной исследовательской цели:

- проследить истоки формирования методологических подходов в изучении кочевых народов в трудах Л.Н. Гумилева;
- рассмотреть географические (природно-климатические) концепции в кочевниковедческих работах ученого;
- проанализировать и дать оценку общей концепции истории кочевых обществ Центральной Азии Л.Н. Гумилева;
- показать особенности взглядов исследователя на историческое развитие кочевых цивилизаций Центральной Азии;
- дать анализ истории кочевых народов Центральной Азии эпохи хунну в освещении трудов ориенталиста;
- проанализировать историю кочевых сообществ раннего средневековья в работе Л.Н. Гумилева «Древние тюрки»;
- дать оценку концепции востоковеда по истории монгольской империи.

Объектом исследования являются кочевые цивилизации Центральной Азии, под которыми понимается существование на протяжении длительного периода номадизма в этом регионе особой общности кочевых этносов, имеющих единый развитый и преемственный во времени и пространстве историко-культурный комплекс. **Предметом** выступают исторические исследования, научные взгляды и теоретические разработки Л. Н. Гумилева в области истории номадов Центральной Азии, выраженные в его востоковедных трудах.

Территориальные рамки исследования обусловлены ареалом распространения кочевых народов в Центральной Азии. В понятие Центральная Азия мы вкладываем физико-географическое и историко-культурное содержание и определяем его как территорию бессточной Азии. **Хронологические рамки** ограничены периодом с III в. до н.э., с образования хуннской державы до монгольской империи XIV-XV вв., т. е. временной промежуток, в который укладывается существование основных кочевых империй Центральной Азии, рассмотренных Л.Н. Гумилевым.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Избранный объект и предмет исследования в силу своей многоплановости предопределили в исследовательской практике обращение к теоретическим разработкам ученых из различных областей гуманитарных и естественных наук. Теоретической базой для написания диссертационной работы стали труды отечественных и зарубежных авторов по проблемам истории, археологии, этнологии, этнографии, географии, политологии, социологии и культурологии, первостепенными из которых выступили те, что носят интегративный и междисциплинарный характер.

При исследовании автор руководствовался основополагающимися методологическими принципами историзма и объективности, а также исходил из общепринятых норм историографического анализа. Применяемый в работе принцип историзма означает, что научное и идейное наследие Л.Н. Гумилева является показательным этапом, обусловленным развитием историографической мысли, теоретико-методологическими достижениями кочевниковедения современного ему времени и само выступает в качестве дальнейшего роста накопления исторических знаний, отражая их единство и преемственность. Принцип объективности достигается конструктивным учетом и достаточно полным охватом историографических источников, оценкой творчества ученого на основе разностороннего анализа собранного материала.

В работе использованы общенаучные принципы познания, методы периодизации, логического анализа, сравнительно-исторический, системно-исторический.

Источниковую базу для диссертационного исследования составил комплекс научно-исследовательских, научно-популярных и публицистических работ Л.Н. Гумилева, который может быть обозначен как научное и идейное наследие ученого. Для проведения исследования использовался широкий круг исторических и этнологических работ Льва Николаевича Гумилева.

В целом, в качестве исторических источников выступают многочисленные труды Л.Н. Гумилева: обобщающие работы, монографии, статьи, тезисы статей по истории кочевых обществ. Эти источники позволили обозначить и детализировать научные взгляды, видение исторических процессов, теоретические концепции и методологические позиции ученого, выявить источники формирования его пассионарной теории этногенеза и проследить творческую эволюцию.

Как историографические источники, в основном представленные в периодической печати, для исследования послужили многочисленные аналитические и критические работы научного и публицистического характера: монографии, авторефераты диссертаций, статьи, отзывы, рецензии на труды Л.Н. Гумилева, которые дали возможность определить наиболее гипотетичные и менее обоснованные с научной точки зрения теоретические взгляды ученого.

Следует обратить внимание на то, что последние работы Л.Н. Гумилева имеют междисциплинарный и разноплановый характер и поэтому критический анализ, разбор тезисов и выводов критиками охватывает лишь отдельные аспекты и положения его исследований.

Научная новизна исследования заключается в комплексном объективном изучении и оценке научного и творческого наследия Л.Н. Гумилева в области истории кочевых цивилизаций Центральной Азии. Востоковедные труды Л.Н. Гумилева на основе активно развиваемых принципов историзма и объективности в соответствии с новейшими научно-теоретическими достижениями в кочевниковедении рассматриваются как закономерный, необходимый в своей последовательности этап поступательного развития историографии кочевых народов Центральной Азии. Составляющей научной новизны работы является оценка пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева как попытки видения всемирно-исторических закономерностей с методологических позиций генезиса номадных обществ.

Практическая значимость работы состоит в том, что основные выводы исследования могут быть использованы при написании исторических работ по специальности «История стран Центральной Азии», «Востоковедение», а также будут необходимой методологической основой для дальнейшего изучения и историографического анализа истории кочевых обществ Центральной Азии.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в научных докладах и тезисах на международных, всероссийских, региональных научных конференциях: «Байкальский регион в переломные периоды истории (XIX-XXI вв.)». – Улан-Удэ, 2006; «Восточное общество: интеграционные и дезинтеграционные факторы в геополитическом пространстве АТР». – Улан-Удэ, 2007; «История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии». – Улан-Удэ, 2007; «Мир Центральной Азии». – Улан-Удэ, 2007; «Российская история в образовательном дискурсе этнонациональных регионов РФ». – Улан-Удэ, 2008. По теме диссертации опубликовано 6 научных работ, в том числе в реферируемом журнале «Преподавание истории в школе». – 2008. - №1. Спецвыпуск. – С. 23-26.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяется степень изученности проблемы, формулируются цель и задачи, обозначаются предмет

исследования, научная новизна и практическая значимость работы, хронологические и территориальные рамки, раскрывается методологическое обеспечение диссертационного исследования, анализируется источниковая база.

В первой главе «Развитие и формирование теоретико-методологических взглядов и позиций Л.Н. Гумилева в исследовательских работах по кочевым цивилизациям Центральной Азии» рассматривается становление и эволюция научно-теоретических взглядов на природу кочевых обществ Л.Н. Гумилева.

Автором подробно прослеживаются истоки формирования методологических подходов в изучении кочевых народов в трудах Л.Н. Гумилева, анализируется теоретическая база кочевниковедческих работ, методы и приемы исторической критики.

На становлении Л.Н. Гумилева как ученого, формировании его мировоззрения, безусловно, сыграл подлинный исследовательский интерес к истории кочевых народов и их культуре. Этот интерес также проявился в нем и при знакомстве с востоковедными трудами представителей евразийского течения русской эмиграции 20-30-х гг. XX в.

Концептуальные построения Л.Н. Гумилева сложились в результате многолетнего изучения автором специфики истории кочевых народов Великой степи. Более чем полутора тысячелетнее существование кочевничества имело свой отличающийся путь развития, основанный на экстенсивном скотоводческом хозяйстве, приспособленном для освоения огромных степных пространств Евразии. Познание сущности природы кочевых обществ, его внутреннего устройства, форм организации, движущих сил, привело Л.Н. Гумилева к критичному восприятию формационного подхода, в рамках которого невозможно было адекватно объяснить всего многообразия кочевой культуры.

Исследования кочевых цивилизаций послужили Гумилеву основой для формирования его собственной концепции видения исторического процесса, на основе привлечения методики и теории естественных наук, прежде всего, географии. Ученый приходит к пониманию особой культурно-исторической общности Евразии, об определенном влиянии природно-географического фактора на этногенез народов. Это дало повод причислять Л.Н. Гумилева к евразийцам.

Немаловажное значение сыграли в методологическом плане и богатые эмпирическими материалами по истории кочевых народов работы Г.Е. Грумм-Гржимайло, на которого часто ссылается Л.Н. Гумилев. Взгляды Г.Е. Грумм-Гржимайло способствовали становлению также у ученого метода историко-географического синтеза.

Основной теоретической предпосылкой широко применяемой в работах исследователя метода дедукции являются противоречия в различных иноязычных источниках, неразрешимое с помощью перехода от частных фактов к построению согласованной картины исторического процесса, а также то обстоятельство, что зачастую сложность той или иной исторической проблемы заключается в недостаточности материала.

Источником для дальнейших исследований и формирования общей концепции истории кочевых цивилизаций Центральной Азии послужила для ученого разработанная им оригинальная теория этногенеза.

В работе отмечается, что источники формирования концепции этногенеза Л.Н. Гумилева лежали как в идеях условно называемой школе научного расизма, сформировавшейся в конце XIX – начале XX вв., и представленной работами С.М. Широкогорова, к которой также с некоторой долей условности можно отнести и произведения Г.Е. Грумм-Гржимайло, исходившего из расовой теории и подвергнувшегося суровой критике в конце 1920-х годов, так и в существовании в советской науке этнистского дискурса.

Автором проведен анализ географических (природно-климатических) концепций в кочевниковедческих работах Л.Н. Гумилева, в которых раскрываются движущие факторы развития кочевых обществ, связанные с климатическими колебаниями в резко-континентальных условиях Центральной Азии.

Основываясь на принципиальном характере связи этноса (суперэтноса) с вмещающим ландшафтом Лев Николаевич предлагает свое представление на критерии историко-географического районирования ойкумены (принцип этно-ландшафтного деления). Выделяя системное единство историко-культурного и физико-географического материала, он разрабатывает понятие “вмещающего ландшафта”, среды, в которой формируется и существует этнос. Данное понятие играет ключевую роль во взаимодействии связке “этнос-ландшафт” поскольку, по мысли Л.Н. Гумилева, географические условия оказывают всестороннее принудительное влияние на обитателей региона, заставляя формировать адаптивные навыки, названные этническими стереотипами поведения.

Используя данный критерий, он посчитал возможным, создать классификацию общественных систем кочевников Центральной Азии. Так, им условно выделялись три этно-ландшафтных региона: монгольский, алтае-тяньшанский и Арало-Каспийская низменность. Во всех трех регионах имела своя, присущая им в силу принудительного влияния ландшафта, общественно-политическая система.

В диссертации показано, что противоречие, заключающееся в том, что общественно-политические формы насельников евразийских степей были далеко не единообразными, а способ хозяйствования был одним и тем же – экстенсивным скотоводством, послужило основой постановки проблемы поиска обоснования особенностей развития кочевого общества, не укладывающихся в формационные рамки. Пути разрешения этого противоречия лежали, согласно взгляду Л.Н. Гумилева, в учете физико-географических особенностей отдельных регионов Евразийского континента, безусловно, разнящихся между собою. Основывая свои выводы на стыке нескольких наук: географии, климатологии, истории, археологии и этнографии, он пытается вывести объективную основу для “историко-географического синтеза”.

Концепция гетерохронности климатических колебаний на Евразийском пространстве, основанная на палеогеографических данных, представляет для ученого огромный объяснительно-познавательный потенциал, служащий органичным инструментом при исследовании проблем, связанных с экстенсивным скотоводческим хозяйством, с которым коррелируется мощь кочевых империй. Могущество кочевых империй связывалось Л.Н. Гумилевым с благоприятными климатическими условиями для ведения экстенсивного кочевого скотоводства (периодов увлажнения степи).

В диссертации отмечается, что в кочевниковедении тезис ученого о корреляции природно-климатических изменений и социально-политических процессов не нашел сторонников в силу неопределяющего характера этого фактора в ритмах расцвета и упадка кочевых империй.

В диссертации анализируется общая концепция истории кочевых цивилизаций Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева и дается оценка научно-теоретическим взглядам ученого по истории крупнейших кочевых держав Центральной Азии.

Автором показано, что Лев Николаевич Гумилев в своих ранних работах среди факторов исторического развития кочевых обществ выделяет: природно-климатические условия и их изменения; соседство оседло-земледельческих цивилизаций, влиявших на развитие кочевников; противоречия между отдельными племенами, отличающимися друг от друга хозяйственными навыками и способами адаптации к ландшафту. В дальнейшем к данным факторам исторического развития был добавлен деятельностный момент. Согласно разработанной Гумилевым теории пассионарности, на определенной стадии прохождения своего развития этнос обладает тем или иным количеством пассионарных людей, процентное соотношение которых к общему числу лиц, составляющих этнос, и обуславливает ту или иную его активность и фазу прохождения этногенеза.

При исследовании политического устройства кочевников Центральной Азии Л.Н. Гумилев считает, что ими были выработаны свои оригинальные организационные формы общественного устройства. Так, держава хунну была построена на родовом принципе, где

власть принадлежала господствующим родам, в рамках этого принципа была охвачена вся общественно-политическая система хунну вместе с покоренными племенами. Существовала и другая форма в виде орды, истоки ее возникновения прослеживаются в общественном устройстве еще дунху, где ее устойчивость во многом зависела от личностного фактора.

Характерным для кочевниковедческих трудов Л.Н. Гумилева является последовательное раскрытие исторического значения кочевых народов и их субъектности в мировой истории, отсюда и особое внимание взаимоотношениям номадов с соседними оседло-земледельческими государствами, попытка осветить события в системе их взаимосвязей. Упрощенное понимание, отрицательная оценка места, роли и вклада кочевников в мировую историю и культуру объективно связывалось ученым именно с критериями, выработанными на материале земледельческих цивилизаций.

Попытка дать Л.Н. Гумилевым объективную оценку роли и места кочевников в мировой истории сводилась иногда к односторонности и неправомерной крайности выводов ученого, порой даже к некоторой эпатажируемости научному сообществу. На наш взгляд, формированию такого отношения у Гумилева способствовала господствующая в историографии однозначно негативная оценка взаимоотношений оседло-земледельческих и кочевых народов, преодолеть которую он считал возможным противопоставлением столь же уверенной позиции. Картина исторической действительности не укладывается в такие строго очерченные рамки. Предвзятое отношение к истории взаимоотношений номадов и оседло-земледельческих народов может быть преодолено, если исходить из более полного представления природы самих кочевых обществ. Так, одним из аспектов такого понимания должно стать то обстоятельство, что номады были заинтересованы во внутренней стабильности и экономическом росте завоеванных земледельцев и горожан, с целью получения необходимых им продуктов земледелия и ремесла, что, вело к усилению данников и со временем – к свержению господства завоевателей.

Во второй главе «Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева» исследуются основные теоретические взгляды Л.Н. Гумилева на историю крупнейших кочевых держав Центральной Азии: империи Хунну, древнетюркских, уйгурского и хазарского каганатов, монгольской империи.

В диссертации показано, что гипотеза Л.Н. Гумилева о происхождении этноса хунну, который связывает ранний этап их этногенеза с культурой плиточных могил, не подтверждается современными археологическими данными. При этом автором, исходя из того положения, что дислокальность этногенетических процессов в Центральноазиатском регионе, определила сложности в изучении этногенеза и фиксации этих процессов, делается вывод о том, что на сегодняшний момент нет однозначной уверенности в происхождении хунну, в силу этого концепция Гумилева не может быть полностью отвергнута в той ее части, где выдвигается тезис о смешанном происхождении этого этноса.

Л.Н. Гумилев отнес хуннское общество к высшей ступени первобытнообщинного строя. Ученый дает трактовку социального строя хунну как патриархальную родовую державу, существенным элементом которой была консервация патриархально-родовых отношений. Именно последнее обстоятельство и определило появление организационно политической формы как родовая империя. Дальнейшая эволюция хуннского общества, по мнению Л.Н. Гумилева, шла от трансформации родовой державы к военной демократии, что связывается с процессами разложения родовых отношений.

Политическая история державы Хунну прослеживается во взаимосвязи с событиями в сопредельных государствах и племенах, определявшими как внутреннюю, так и внешнеполитическую деятельность.

Истоки неизбежного характера хунно-китайских войн коренятся не в стремлении территориальных захватов хунну и/или в приписываемой им природной свирепости, а в государственной традиционной идеологии императорского правительства династии Хань.

Ведь, по мнению Л.Н. Гумилева, контакты между народами могли происходить и в форме мирного торгового обмена. В то же время подчеркивается, что узкоспециализированное хозяйство кочевников вынуждало их постоянно взаимодействовать с оседло-земледельческими народами.

Раскол, произошедший в хуннском обществе, привел к распаду державы на северных и южных хунну, соответственно потере былого ее могущества. Как считает ученый, он был обусловлен процессом разложения родов и внешними обстоятельствами: наступившим периодом усыхания Великой степи и сложившейся неблагоприятной для хунну внешнеполитической ситуацией.

История государственных образований хуннов в Северном Китае раскрывается через этнологическую призму, сознательное же невнимание к социально-экономическим процессам обусловлено невозможностью проследить единый социально-экономический процесс, установленный прерывностью процессов, происходивших в Северном Китае в III – VI вв., не связанных между собой генетически. Перемещение кочевников на территории, населенные древними китайцами в III-IV вв., и создание на территории Северного Китая многочисленных “варварских государств” было вызвано, по мнению Л.Н. Гумилева, тем, что на III в. приходится кульминация процесса усыхания восточноазиатских степей. Массовое перемещение кочевников во внутренние области Китая этнически было представлено южными гуннами, сяньбийцами, тангуты-тибетскими племенами ди и цянов, цзе. В связи с этим требуют уточнений в свете новых данных реконструкции ученого этнического происхождения племени цзе, а также этноса эфталитов.

Анализ критических работ, посвященных трудам Л.Н. Гумилева по истории Центральной Азии эпохи хунну, подводит автора к выводу, что основные взгляды ученого на социально-политическую историю хунну в целом согласуются с современными представлениями кочевниковедов (С.Г. Кляшторного, Н.Н. Крадина, Е.И. Кычанова, Т.Д. Скрынниковой и др.). Раскрытие же ученым этнических процессов на основе его концепции этногенеза, в частности взаимодействия кочевников и оседло-земледельческого населения Северного Китая в III – VI вв., не выдерживает критики.

Автором подвергается анализу основные выводы и взгляды Л.Н. Гумилева на историю кочевых обществ эпохи средневековья: Первого и Второго тюркских, уйгурского и хазарского каганатов.

Л.Н. Гумилев был одним из первых исследователей, написавших обобщающую историю древних тюрков на основании сведений письменных источников, в которой нашли свое отражение процессы этнополитической истории Центральной Азии раннего средневековья.

Восстановленная Л.Н. Гумилевым картина этногенеза тюрков по генеалогическим легендам династийного рода Ашина связывает их происхождение с позднихуннскими государственным образования на территории северного Китая. Процесс создания тюркской державы Л.Н. Гумилев рассматривает в контексте политических событий и коллизий, происходивших у соседних племен и государств. С расширением захваченных территорий и включением в состав каганата новых племен, внутреннее устройство претерпевало значительные изменения. Для удержания огромной территории и пресечения сепаратистских тенденций была создана удельно-лестничная система престолонаследия. В ней одновременно были заложены элементы устойчивости и деструктивная составляющая. Политической формой организации державы стал тюркский “эль”. Л.Н. Гумилев рассматривает содержание понятия “эль” как формы сосуществования орды и племен, входящих в него, то есть совмещение военно-демократического и племенного строя.

Ученый проводит резкое разграничение в организационном устройстве политических систем тюрков и уйгуров, политическую форму последних он считал возможным охарактеризовать как племенной союз. Принятие уйгурами такой религиозной

системы как манихейство стало, по мысли Л.Н. Гумилева, ключевым фактором дальнейшего развития их государственного образования. Манихейство сыграло деструктивную роль, разрушив единство знати и народа, которое было необходимо в условиях обозначившейся борьбы, носившей окраски религиозной принадлежности.

Описанная востоковедом картина исторического развития хазарского каганата, в которой он уделяет неоправданно значительную роль еврейской общине как фактору во внешнеполитической и внутренней политике, и, в конечном счете распаде Хазарского каганата, является не вполне обоснованной, на что указывают многие исследователи (М.А. Артамонов, В.К. Михеев, В.А. Коренько, С.А. Плетнева, А.А. Тортика и др.).

В результате анализа историографических источников автором сделан вывод о том, что Л.Н. Гумилев не в полной мере учел социально-экономические причины внутривосточного развития тюркских каганатов, им преувеличивается роль религиозно-идеологических факторов во внутри- и внешнеполитической деятельности, в причинах распада Уйгурского и Хазарского каганатов.

Автором осуществляется анализ содержания концепции Л.Н. Гумилева исторического развития средневекового монгольского общества периода империи. Исходя из критического анализа легенды о существовании христианского государства в Центральной Азии, Л.Н. Гумилев построил стройную концепцию идеологии и политической истории монголов и народов Центральной Азии в контексте системы международных отношений и связей. Теоретической предпосылкой исследовательской работы «Поиски вымышленного царства» стала взаимосвязь религиозно-идеологических систем с социально-экономическими процессами, первые из которых выступают как «индикатор глубинных процессов» последних.

Источниками при исследовании монгольского общества XII-XIII вв. послужили для востоковеда «Тайная история монголов» и сборник летописей Рашид ад-Дина. Опираясь на данные сравнительного анализа, выявившего значительное количество противоречий в текстах источников, Л.Н. Гумилев строит собственную гипотезу о межплеменных войнах в монгольских степях. Содержательная и основанная на тщательных изысканиях «Тайной истории монголов» интерпретация борьбы за власть над племенами между Тэмуджином и Джамухой была совершенно оригинальной и новой для советской востоковедной историографии.

Рассмотренные критические работы Б.А. Рыбакова, Л.С. Клейна, А.Г. Кузьмина, Я.С. Лурье, М.И. Чемерисской и др., приводят автора к выводу, что одним из наиболее дискуссионных моментов в идейном наследии Л.Н. Гумилева является его трактовка монголо-татарского ига на Руси, которая является дальнейшим развитием евразийской историографической традиции.

В оправдании концепции русско-монгольских отношений Л.Н. Гумилев отводит значительное место в своей системе доказательств анализу древнерусского литературного памятника «Слово о полку Игореве», датируя его написание 1249-1252 гг. Интерпретация проблемы существования ига и оценка ее последствий идет в разрез со всеми устоявшимися взглядами на данный период в истории России.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы и результаты, главные из которых сводятся к следующему:

– истоками формирования методологических подходов в изучении кочевых обществ Центральной Азии стали на раннем этапе творчества Л.Н. Гумилева идеи евразийства, что способствовало обращению его внимания к природно-географической составляющей в факторах исторического развития кочевников, принципиальной взаимообуславливающей связи этноса и ландшафта, проявляющейся через способ хозяйствования. Это привело к привлечению ученым в своих исследованиях методик естественных наук, особенно географии. Данное обстоятельство сказалось в дальнейшем и в приемах и средствах проведения внутренней критики исторических источников. В поздних работах ученого история кочевых обществ рассматривается через призму разработанной им

этнологической концепции, так называемой пассионарной теории этногенеза, многие моменты которой не могут быть полностью разделены научным сообществом в силу дискуссионности их подходов и своеобразия методологической основы;

– теоретические предположения Л.Н. Гумилева о природно-климатическом контексте историко-культурных процессов, представляя собой достаточно стройную концепцию, позволяют обобщить их в рамках географического детерминизма, который не может быть в научном творчестве ученого сведен к своей классической схеме, выработанной в XIX в. Детерминирующая связь естественного ландшафта и способа ведения хозяйства, а также колебания климата в аридной зоне Евразии, играли, по мнению Л.Н. Гумилева, решающую роль в исторических судьбах кочевых народов Центральной Азии. Такой взгляд несколько упрощает представления о движущих факторах развития кочевого общества, на что обращали внимание многие исследователи;

– общая концепция истории кочевых цивилизаций Центральной Азии Л.Н. Гумилева объективно отражает соответствующие периоды в истории Центральной Азии, представляя собой ценный источник для историографического анализа и уточнения понятийно-категориального аппарата. Взгляды Гумилева на полито- и этногенез кочевых народов Центральной Азии, определивших некий целостный цивилизационный процесс в этом регионе, имеющий в своей основе самодостаточную культуру и самостоятельный оригинальный путь исторического развития, не только не потеряли своей научной ценности, но и позволяют сделать вывод об их дальнейшем теоретико-методологическом приложении в изучении природы кочевых обществ;

– научные труды Л.Н. Гумилева, посвященные истории хунну, древних тюрков и средневековых монголов, в целом достаточно адекватно отразили исторические реалии и происходившие процессы в Центральной Азии.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ АВТОРОМ:

Статья в периодическом издании, рекомендованном ВАК:

1. Гомбожапов, А.Д. Тюрко-монгольские кочевые державы особенности исторического развития в контексте трудов Л.Н. Гумилева / А.Д. Гомбожапов // Преподавание истории в школе. – 2008. - №1. – Спецвып. – С. 23-26.

Статьи:

2. Гомбожапов, А.Д. Кочевые народы Центральной Азии и оседло-земледельческие цивилизации в исторической ретроспективе Л.Н. Гумилева / А.Д. Гомбожапов // История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии: материалы III междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2007. – С. 61-69

3. Гомбожапов, А.Д. Тюрко-монгольские кочевые державы в трудах Л.Н. Гумилева / А.Д. Гомбожапов // Исследования молодых ученых: межвуз. сб. ст. Выпуск 10. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2007. – С. 14-22.

4. Гомбожапов, А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева / А.Д. Гомбожапов // Вестник Бурятского государственного университета. – Вып.5. Востоковедение. История.– 2007. — С. 163-167.

5. Гомбожапов, А.Д. Политогенез в кочевых обществах Центральной Азии в интерпретации Л.Н. Гумилева / А.Д. Гомбожапов // Восточное общество: интеграционные и дезинтеграционные факторы в геополитическом пространстве АТР: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 27 июня – 1 июля 2007 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. – С. 62-64.

6. Гомбожапов, А.Д. Востоковедные труды Л.Н. Гумилева (анализ историографии) / А.Д. Гомбожапов // Российская история в образовательном дискурсе этнонациональных регионов РФ: материалы всерос. науч.-практ. конф. (3-4 апреля 2008 г.) – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. – С.136-139.

